176 с. *Петренко А.Д.* Социальная стратификация языка и проблемы социофонетической вариативности // Культура народов причерноморья. – 2001. №19. – с. 44-51 *Baker C.* Foundations of Bilingual Eduaction and Bilingualism. – Clevedon; Philadelphia; Adelaide: Multilingual Matters Ltd, 1995. – 266 p. *Budzhak-Jones S.* Single-word Incorporations in Ukrainian-English Bilingual Discourse: Little Things Mean a Lot. – Ottawa: University of Ottawa, 1998. – 256 p. Canada's Ethnocultural Mosaic, 2006 Census. http://www12.statcan.ca/english/census06/analysis/ethnicorigin/pdf/97-562-XIE2006001.pdf, дата последнего посещения – 1 октября 2008. *Cummings J., Danesi M.* Heritage Languages. The Development and Denial of Canada's Linguistic resources. – Montreal, 1990. – 133 p. Report on the Demographic Situation in Canada 2005 and 2006. http://www.stscan.ca/english/freepub/91-209-XIE/91-209-XIE2004000.pdf, дата последнего посещения – 23 сентября 2008. UCC Multiculturalism Committee, Canadian Multiculturalism: The Law, the Reality and our Place. Online. UCC homepage. http://www.ucc.ca/Section_5/PDF/Canadian_Multiculturalism.pdf, дата последнего посещения 15 сент. 2008. *Woods E.* Multiculturalism and identity in Canada: a Case-study of Ukrainian-Canadians. – University of Saskatchewan, Saskatoon, 2006. – 86 p.

КУЗЬКО П.В.
(*Запорожский нац. ун-т*)

НЕМЕЦКИЕ СОЦИОЛЕКТЫ, ИХ ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на примере весенних праздников)

Неразрывная связь и взаимная зависимость языка и культуры в последние годы настолько часто стоят в центре дискуссий, что, пожалуй, не требуют особых доказательств. Проблема, тем не менее, не утратила актуальности.

Социокультурный компонент уже давно стал неотъемлемой частью семантической структуры слова, как и экстралингвистическая обусловленность языковых явлений в целом. Социальное направление трактовки термина «обиходно-разговорный язык» («*Umgangssprache*») основывается на оппозиции данного понятия понятиям «литературный стандарт» («*Standarddeutsch*», «*Hochdeutsch*»). Под *Umgangssprache* понимается в данном случае языковое образование, которое не входит в сферу литературного стандарта (*Standardsprache*) и представляет собой «субстандартные элементы с собственными системными признаками» [Кузько 2008, с. 73].

Цель данной статьи – изучение континуума немецких социолектов, рассмотрение их особенностей модификации и семантической трансформации в диалектной картине мира, а также меры и степени обогащения немецкой речевой культуры за счет разговорной лексики.

Поставленная цель определяет следующий круг **задач**:

1) изучить причины и пути возникновения немецких диалектов в контексте культурно-исторических и социальных факторов;

2) выявить состав розговорной лексики, предложить интерпретацию ее культурно-исторической значимости в системе литературного языка;

3) определить закономерности фонетико-морфологической и других модификаций немецких диалектов;

4) сопоставить смысловое содержание региональной лексики.

Объектом исследования стала региональная лексика конца XIX начала XX вв.

Предметом исследования являются лексические единицы весенних праздников в диалектной картине мира немецкого языка в графическом оформлении.

Термин «картина мира» приобрел в современном отечественном языкознании чрезвычайно большую популярность, что связано с преимущественно этнолингвистической или лингвокультурологической направленностью последнего. В современном языкознании социальные диалекты рассматриваются как разновидности (варианты) языка, которыми пользуется та или иная социальная группа или общность людей [Маковский 1982, с. 7-8]. Диалект, в свою очередь, понимается как территориальная, временная или социальная разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей и отличающаяся по своему строю (фонетике, грамматике, лексике и семантике) от языкового стандарта, который сам является наиболее престижным диалектом [Жирмунский 1968, с. 146].

В пределах одной этноязыковой общности можно выделить ряд картин мира, соотносящихся с определенными типами культуры или субкультурами (элитарная, массовая, традиционная, профессиональные) и подсистемами языка (общенациональная, литературная, просторечная, диалектная, жаргонная). При этом *диалектная картина мира*, воплощающая народную культуру, в значительной степени сохраняет «наивный», эмпирический образ действительности. Это вариант национального образа мира, один из самых значимых для любого этноса. Заметим, что вопрос о возможности моделирования единой диалектной картины мира для немецкого языка сродни вопросу о реальности или нереальности «диалектного языка» (напр. *Plattdeutsch*, *Ruhrdeutsch*), который широко дискутировался в научной литературе. Однако здесь есть и существенные различия. Если «диалектный язык» является лишь конструктом, а не реальным средством коммуникации, то картины мира разных говоров по причине значительного сходства диалектных объединений (напр. *Bairisch, Südbairisch, Südmittelbairisch, Mittelbairisch, Nordbairisch*) могут быть весьма близки. Можно согласиться с мнением некоторых исследователей, что «совокупность диалектов представляет собой континуум естественных картин мира на пространстве одного из вариантов языковой концептуализации действительности» [Радченко 2004, с. 26]. Под диалектной картиной мира мы понимаем систему традиционно-народных представлений о мире, имеющую нечеткий, во многом эклектический характер и отраженную в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств. Главными функциями такой картины мира следует считать классифицирующую, интерпретативную и регламентирующую функции. Лексемы с религиозным смысловым содержанием координируют к духовной жизни общества в целом, и закрепляют не только философские смыслы, а и регуляцию повседневного поведения. В способе их образования отчеканивается и история слова, и система верования, мораль, право, образ жизни, в них осмысляются компоненты социальной структуры, словом, духовной, предметной и социальной составляющей «картины мира». В религии упорядочиваются нормы, ценности, значения, знания, которые вырабатываются в различных сферах и получают культурное преломление. Впечатывание культурной составляющей в этимон слова придает исторической семантике гносеологический и когнитологический статус. В этом аспекте отчетливо проявляются кумулятивная, сигнификативная и прагматическая функции языка.

Праздники являются существенным элементом любой картины мира, хотя преимущественно имплицитны и могут быть выявлены лишь при помощи лингвистического анализа соответствующих языковых фактов с привлечением этнографических и культурологических данных. При этом, на наш взгляд, будет более правильным говорить не о темпоральном фрагменте (или сегменте), что подразумевает частный характер временной координаты, а о темпоральной основе картины мира. Основными модусами являются религиозные, весенние празники. Каждый из них имеет диалектную специфику. В данной статье предлагается характеристика названий религиозных и народных праздников в региональной

лексике немецкого языка, делается попытка увидеть особенности психологического восприятия диалектоносителями, выявить и универсальность европейской христианской культуры и оттенки запечатленности объектов в ментальных комплексах отдельных земель. Таким образом, пирамида «язык → культура → человек» сплетается в единый междисциплинарный клубок, занимающийся исследованием этнической картины мира.

В Германии масленица длилась несколько недель – от Дня трех королей до Пепельной среды (среда первой недели Великого поста). Для обозначения праздника закрепились разнообразные региональные названия (напр. ***Fasching*** (*Ostoberdeutsch*), ***Fastnacht*** (*Westmitteldeutsch*, *Süddeutsch*), ***Karneval*** (*Rheinfränkisch – Pfälzisch, Hessisch*), ***Faßloom*** (*Plattdeutsch*) и тд.), но наиболее частотным стало *Fastnacht* (досл. «постная ночь»). О ночи речь идет не случайно, поскольку древние германцы вели счет не по дням, а по ночам, причисляя ночь к тому дню, которому она предшествовала. В XI веке начало пасхального поста было закреплено за Пепельной средой (*Aschermittwoch*), как следствие этого в слове *Fastnacht* произошло сужение значения от обозначения всего периода масленичных гуляний до «вторника накануне начала поста». Диалектные названия немецкой масленицы – *Fasenacht, Faselnacht, Fasching, Fasnet, Faßloom* уходят своими корнями к древнегерманскому глаголу *faseln* «расти». Внутренняя форма могла идти по двум направлениям: заботы о будущих всходах сельскохозяйственный культур или – рост дней, прибавление света, движение года по нарастающей силе. Полисемантия глагола *faseln* («пустословить, молоть вздор») могла тоже способствовать закреплению этого слова, так как праздное времяпровождение соответствует атмосфере праздника. Параллельно с *Fastnacht* закрепилось обозначение *Karneval*, более позднее, заимствованное из итальянского. Не исключено, что иноязычное слово воспринималось более праздничным, радостным, ярким, эмоциональным и несло только положительные коннотации, в отличие от *Fastnacht*, включающего в звучание «унылое» напоминание о посте. Традиционная «народная этимология» возводит *Karneval* к видоизмененному *carne vale* «прощай, мясо!», что должно символизировать отказ от мясных блюд во время наступающего поста. Аналогичное обозначение последнего четверга перед постом – «страстной четверг» ***Antlaßtag*** (день отпущения грехов) – *Ostoberdeutsch;* ***Gründonnerstag*** (зеленый четверг) – *Mitteldeutsch;* ***Antlaß-Pfinztag*** (день отпущения грехов) – *Bairisch* или ***fetter, schmalziger Donnerstag*** «жирный четверг» закрепилось как выражение обыденной психологии, фиксирующей внешние релевантные признаки деления времени. В этом пласте лексики немецкий язык закрепил проявление «двумирности» средневековой культуры: последнее воскресенье перед постом именовалось ***Pfaffenfastnacht, Herrenfastnacht*** «господская Масленица», так как у священников пост начинался уже в понедельник, а народ праздновал свою «крестьянскую Масленицу» в первое воскресенье поста, называя его ***Funkensonntag*** «воскресенье искр», так как часто в этот день жгли костры, хотя уже был пост.

Особенное буйство и веселье – признаки, скрытые в наименованиях понедельника и вторника перед Пепельной средой: ***Torkeltage*** от глагола *torkeln* «шататься, нетвердо стоять на ногах». В среду первой недели Великого поста (***Aschermittwoch***) священник рисовал из пепла крест на лбу верующих, в знак их покаяния (сложное слово состоит из *Asche* + *Mittwoch* – пепел + среда). Среда перед постом (*Aschermittwoch*) получила в этимоне отражение обычая посыпать голову пеплом или золой в знак покаяния. В региональной лексике различают следущие вариации: *Mittwoch nach Fasnacht / Tag nach Fastnacht / erster Tag der Fastenzeit / Beginn der Fastenzeit*.

Карнавал достигал своего пика в понедельник, получивший название ***Rosenmontag / Rosen(d)Montag*** – *Niederrheinisch, Westmitteldeutsch* (от глагола *rasen* –

«бушевать») Любопытно, что в стандартном литературном языке (*der Montag vor Fasnacht*) это слово претерпело фонетическое изменение и получило внешнюю форму, наводящую на происхождение от цветка розы, а не от гуляний и бушевания. Это объяснимо широким разнообразием диалектного произношения гласных – где более широкое *a,* где более узкое, воспринимаемое как *o.* Но не искючено, что сопровождающим фактором изменения формы стало ощущение красоты празника, желания украсить церковь, дом, окружающее пространство.

Немецкое название Страстной недели ***Karwoche / Karfreiwoche*** мотивировано греческим словом *kara* «печаль, горе, плач», поскольку вся неделя посвящена оплакиванию Христа. Другой вариант названия *kara* в древнесаксонском обозначал «заботы, беспокойство», так как вся неделя была наполнена приготовлением к Пасхе. Кроме того, есть – *Stille* или *Heilige Woche* «тихая, святая неделя» – выделяет сему «святость». Названия отдельных дней отчетливо воплощают последовательность событий последней недели земной жизни Спасителя.

Начинает неделю «пальмовое воскресенье» ***Palmsonntag*** (*Sonntag vor Ostern*), где признаком – основанием для номинации стали пальмовые ветви, бросаемые к ногам Христа при въезде его в Иерусалим. В некоторых источниках понедельник называется синим – *der blaue Montag,* так ка католики покрывали в тот день алтарь синим сукном.

Четверг называется зеленым – ***Gründonnerstag***, что народной этимологией объясняется употреблением в пищу свежей зелени. Однако это наименование обязано своим появлением своеобразной переводческой ошибке: средневерхненемецкое *grüene donerstac было переведено из латинского dies viridium* «день мужей, мужчин» – это был день, в который покаявшихся грешников принимали снова в лоно церкви. Внешнее сходство латинских слов *virilitas* «мужественность, смелось» и *viriditas* «зелень» (а также их словоформ) привело к ошибочному восприятию при переводе не позднее рубежа первого тысячелетия, – и закрепилось в обиходе.

Karfreitag «Страстная пятница» этимологически восходит к индоевропейскому корню *gar-* «кричать», т.е. оплакивать. Этот же день называется *Stiller Freitag* «тихая пятница», где доминирует описательная номинация на базе дифференцирующей семы «тишина, ожидание Воскресения».

В традиционной обыденной этимологии происхождение немецкого ***Ostern*** возводится к имени германской богини *Eastre*, соотносимой с Авророй римского Пантеона и Эос греческого Олимпа. Все эти наименования можно возвести к индоевропейскому *ustra* «утренняя заря», особенно название праздника, так как рано утром проводилась литургия, посвященная воскресению Христа. В региональной лексике различают *Osterfest / Festzeit / Kirchenfest*.

Himmelfahrt Christi (*südd., schweiz.*) «Вознесение Господне» – название построено на базе существующих словесных знаков и восходит к древневерхненемецкому *himilfart* «движение на небо». Название праздника отражает суть события – это вознесение на небо Иисуса Христа. Праздник Вознесения – это праздник Неба (согласно библии), открытия человеку *Неба* как нового и вечного дома, как подлинной родины. Диалектные варианты: *Himmelfahrtstag* (*südd., schweiz.*); *Auferstehung Christi* (*südd.*), *Urstände* (*südd., österr.*), *Auffahrt* (*südd.*) «движение вверх» более приближен к латинскому образцу, по которому и произошло калькирование, *ascensus*.

Pfingsten «*Троица*», немецкое слово – результат сильных фонетических изменений греческого оригинала *pentekoste* «пятьдесят», при этом наименование дано по внешнему признаку срока. Содержание же самого праздника – сошествие Святого Духа на апостолов на пятидесятый день после Пасхи – запечатлено в названии второго дня *Heilgeisttag* «день Святого Духа». В региональной лексике различают

также *Fronleichnam* «Праздник тела Христова», *Pfinztag* (*Ostoberdeutsch*). *Pfinztag* этимологически связан с лексемой *Pfaffe*, слово восходит к готскому *papa* «священнослужитель», а в греческом *páppas* «уважаемый отец».

Даже краткое изложение интерпретации внутренней формы номинации одного и того же фрагмента культуры дает основания для новых исследований, как универсальных компонентов, так и осознания индивидуальности языка и субкультуры. Сделаем некоторые **выводы**:

- при одном и том же лексическом содержании диалектизма по-разному оформляется морфологическая форма слова (простое слово/ сложное слово/ словосочетание с согласованным или несогласованным определением);
- немецкие диалекты более естественно интегрируют латинские или греческие заимствования, что неизбежно при сохранении римско-католической традиции и латинского алфавита;
- кумулятивная функция языка отчетливо проявляется при таком этнокультурном сопряжении слов и сущностей (как материальных, так и социальных, так и духовных);
- прагматическая функция языка представлена в возможности передать следующим поколениям опыт, ценностные ориентации и ожидать соответсвующего поведения людей в рамках этих традиций.

Литература

Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языка. //Язык и общество. – М.: Наука, 1968. – 256 с. *Кузько П.В.* Лингвокультурный аспект немецких диалектов // Наукові записки Луганського національного університету. Вип.7. Т. 1. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах XXI століття] / Луган. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Луганськ: «Альма-матер», 2008. – С. 71-78. *Маковский М. М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). – М.: Высшая школа, 1982. – 135 с. *Радченко О.А.* Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина. – Вопросы языкознания. – 2004. – №6. – С. 25-48.

ЛЕБЕДЄВА Н.М., ФРАНЦУЗОВА К.С.
(Херсонський держ. ун-т)

ВЗАЄМОДІЯ ЗАГАЛЬНОЛІТЕРАТУРНОЇ ЛЕКСИКИ І СОЦІОЛЕКТУ У СУЧАСНОМУ АНГЛОМОВНОМУ ДИСКУРСІ

Під дискурсом варто розуміти саме когнітивний процес, зв'язаний з реальним мовленнєвим виробництвом, створенням мовного твору; текст з кінцевим результатом процесу мовної діяльності, що виливається у визначену закінчену і зафіксовану форму [Кубрякова 1997, с. 19]. В останні десятиріччя науковці розглядають текст як дискурс, тому що саме поняття *дискурс* вбирає в себе екстралінгвістичні соціальні фактори, когнітивні складові, попередні і результативні комунікації.

Новий політичний дискурс на протязі останнього десятиріччя XX століття і початку XXI відзначається кардинальним оновленням змісту та форми комунікативної діяльності. Він відрізняється прагненням до індивідуального стилю, експресивністю, а також яскравістю, розкутістю, що не стає на межі із уседозволеністю й політичним хамством. Специфіку цього дискурсу в значній мірі визначають характерні для соціальної свідомості концептуальні вектори тривожності, підозрілості, невір'я й агресивності, відчуття "неправильності" існуючого положення